

[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.58.003](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.003)

Оригинальная статья / Original paper

А.М. Абидулин¹, К.Е. Балдин²

¹ Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Российская Федерация;

² Ивановский государственный университет,
Иваново, Российская Федерация

E-mail: ¹abidulin@itomi.unn.ru, ²kebaldin@mail.ru

Мемуары православного священника Иоанна Добротворского о паломничестве к христианским святыням Востока

Аннотация

В статье анализируется содержание путевых записок священника Иоанна Добротворского из Сергачского уезда Нижегородской губернии. На рубеже XIX и XX вв. он совершил паломничество в Восточное Средиземноморье. В двух очерках, помещенных в «Нижегородском церковно-общественном вестнике», он отразил свои впечатления от посещения турецкой столицы Константинополя и Мамврийского дуба, находящегося в Святой земле. В его воспоминаниях критически рассматривается иноземная среда, для которой характерны другая религия и другая культура. В этой связи в тексте путевых записок рассматриваются невербальные категории «другого» и «чужого». Особенно тяжелое впечатление на автора произвели христианские святыни, находящиеся в руках иноверцев, и памятные места, связанные с репрессиями турок против православного меньшинства Османской империи. Одновременно в статье уделяется большое внимание про-

цессу конструирования национальной, религиозной и культурной идентичности мемуариста и других русских паломников в иноземной среде. Индивидуальная и коллективная идентичность формировалась в результате общения земляков-паломников между собой, в процессе их совместного проживания на подворьях, открытых русскими православными структурами в Константинополе и Палестине. Также на территории Османской империи российские паломники имели возможность посещать службы и молиться в церквях Константинопольского и Иерусалимского патриархатов, в которых устройство храмов и особенности богослужения отличались от знакомых россиянам практик, но были все же православными. На бытовом уровне идентификация осуществлялась в возможности общаться на родном языке, употреблять в пищу привычные продукты.

Ключевые слова:

православное паломничество; православное духовенство; Константинопольская православная церковь; Османская империя; Константинополь; Мамврийский дуб; национальная идентичность; религиозная идентичность

Для цитирования:

Абидулин А.М., Балдин К.Е. Мемуары православного священника Иоанна Добротворского о паломничестве к христианским святыням Востока // Исторический вестник. 2026. Т. 58. С. 74–101. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.58.003](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.003)

Alim M. Abidulin¹, Kirill E. Baldin²

¹*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod,
Russian Federation;*

²*Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation*

E-mail: ¹abidulin@imomi.unn.ru, ²kebaldin@mail.ru

Memoirs of the orthodox priest Ioann Dobrotvorsky about a pilgrimage to the Christian shrines of the East

Abstract

The article analyzes the content of the travel notes of the priest John Dobrotvolsky from Sergach district of Nizhny Novgorod province. At the turn of the 19th and 20th centuries he made a pilgrimage to the Eastern Mediterranean. In two essays, published in the Nizhny Novgorod Church and Public Bulletin, he reflected his impressions of visiting the Turkish capital of Constantinople and the Oak of Mamre, located in the Holy Land. His memoirs critically examine the foreign surroundings, which is characterized by a different religion and a different culture. In this regard, the non-verbal categories of «other» and «alien» are viewed in the text of travel notes. The author was particularly impressed by Christian shrines in the hands of Gentiles and memorials related to the repression of the Turks against the Orthodox minority of the Ottoman Empire. At the same time, the article pays great attention to the process of constructing the national, religious and cultural identity of the memoirist and other Russian pilgrims in a foreign surroundings. Individual and collective identity was formed as a result of the communication of fellow pilgrims among themselves, in the process of their living together in the shelters, opened by Russian Orthodox structures in Constantinople and Palestine. Also on the territory of the Ottoman Empire, Russian pilgrims had the opportunity to attend services and pray in churches of the Patriarchates of Constantinople and Jerusalem, where the structure of temples and the features of worship differed from the practices familiar to Russians, but were still Orthodox. At the household level, identification was carried out in the ability to communicate in their native language and eat familiar foods.

Keywords:

Orthodox pilgrimage; Orthodox clergy; Constantinople Orthodox Church; Ottoman Empire; Constantinople; Oak of Mamre; National identity; Religious identity

For citation:

Alim M. Abidulin, Kirill E. Baldin. Memoirs of the orthodox priest Ioann Dobrotvorsky about a pilgrimage to the Christian shrines of the East // The Historical Reporter. 2026. Vol. 58. P. 74–101. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.58.003](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.003)

амые первые путевые записки отечественных паломников появились еще в эпоху глубокого средневековья — в XI столетии. На протяжении веков воспоминания богомольцев о пребывании на христианском Востоке появлялись довольно редко, так как в библейский регион тогда наши земляки ездили нечасто, такого рода путешествия были трудными и очень опасными. В XVIII — первой половине XIX в. таких источников личного происхождения стало заметно больше, они стали привлекать внимание широкой читающей публики. Во второй половине позапрошлого столетия и в начале XX в. мемуары православных паломников превращаются практически в отдельный специфический жанр литературы. Авторами этих текстов становились представители дворянства, чиновничества, интеллигенции, предпринимательской среды. Но все же большинство таких произведений выходили из-под пера духовенства, как ученого — с академическим образованием, так и рядового приходского. Значительная часть этих воспоминаний затерялась на страницах местных епархиальных «Ведомостей» и пока не вводилась исследователями в научный оборот. В этом отношении весьма интересными являются забытые мемуары протоиерея из Сергачского уезда Нижегородской епархии отца Иоанна Добротворского. Добротворский Иван Федорович, протоиерей Троицкой церкви с. Какино Сергачского уезда Нижегородской губернии. Родился в 1841 г., уроженец с. Сырятино Лукояновского уезда Нижегородской губернии. В 1865 г. окончил курс Нижегородской духовной семинарии по 1-му разряду. Определен иереем в с. Какино. Имел награды: набедренник, скуфью, камилавку, наперсный крест ор-

дена Св. Владимира 4-й степени. В 1904 г. возведен в сан протоиерея. С 1881–1904 гг. — благочинный. В 1907 г. вышел в заштат.

Он совершил паломничество в Святую землю, судя по косвенным данным, за несколько лет до публикации его путевых записок. Воспоминания о пребывании в столице Османской империи были опубликованы в «Нижегородском церковно-общественном вестнике» в 1913 г. (№ 11, 12, 19, 33, 35, 38) и называются они «Константинополь». В 1915 г. там же появились записки о посещении Мамврийского дуба в Палестине. Затем в том же 1915 г. очерк «К дубу Мамврийскому» появился отдельной брошюрой без указания выходных данных.

Абсолютное большинство паломнических мемуаров, вышедших из-под пера представителей духовенства, посвящено подробным описаниям святых мест и их религиозных переживаний при посещении Восточного Средиземноморья — Константинополя, Афона, Святой земли. Также там речь шла о встречах с греческим духовенством восточных патриархий, особенностях греческого богослужения на канонических территориях этих сестринских церквей и т.п. В такого рода источниках личного происхождения весьма редко встречаются сюжеты, связанные с бытовыми деталями паломничества — жильем и питанием во время поездки, этнографическим описанием жизни местного населения, его нравов и обычаев, особенностей климата, красот природы и т.п. Такая самоцензура была связана с широко распространенным пониманием границ жанра паломнических записок. По мнению авторов, в текстах, посвященных такой возвышенной тематике, не подобает уделять внимание мирским подробностям.

Но автор рассматриваемых нами мемуаров понимал границы жанра по-иному. Нижегородский священник, вероятно, считал, что для пользы дела, для того, чтобы текст был более интересным, для привлечения новых паломников на Ближний Восток целесообразно остановиться не только на впечатлениях от святых мест, но и на встречах с соотечественниками за рубежом, на контактах с местным населением, на погоде, флоре и фауне, на денежных расходах, которые ждали наших богомольцев за рубежом, и на многом другом. В этой связи стоит обратить внимание на знаменательный подзаголовок мемуаров отца Иоанна: «Из заметок (в другом очерке — воспоминаний) сергачского паломника-*туриста* (курсив наш. — А.А., К.Б.)». Разумеется, это не была «оговорка по Фрейду». Автор ни в коей мере не ощущал себя туристом-мирянином на Святой земле. Он на самом деле являлся паломником и никем более. Но все равно, как нам представляется, оговорка выглядела знаме-

Мамврийский дуб. Литография XIX в.
Из открытых источников

нательно, так как автор обращал пристальное внимание в числе других на те объекты, которые интересовали в основном туристов.

В этой связи следует заметить, что рубеж XIX–XX в. был временем появления массового туризма на Западе, он получил развитие и в российской среде, но пока в значительно меньших масштабах. Автор воспоминаний, вероятно, не раз слышал иностранное слово «турист», становившееся тогда модным, и решил «ввернуть» его в заглавие своих путевых заметок.

Широкий круг впечатлений, содержащихся в тексте Иоанна Добротворского, позволяет исследователю, изучающему его, остановиться на таких в общем-то необычных для священнических мемуаров темах, как социальное самочувствие русского паломника в иноземной среде и формирование в нем религиозной, национальной, языковой, бытовой идентичности. Для исследования такого рода проблематики путевые записки нижегородского иерея, несмотря на их относительно небольшой объем, дают богатый и благодарный материал.

Разумеется, главной целью российских православных паломников, направлявшихся в Святую землю, было посещение тех мест, которые можно условно назвать священными достопримечательностями. Некоторые исследователи склонны также именовать их хронотопами. Исходя из этимологии этого слова, оно обозначает события, которые

Святая София, Константинополь. Фотография Братьев Абдулла, вторая половина XIX в.
Из открытых источников

произошли в совершенно определенном месте (*топос* — др.-греч.) и в определенное время (*хронос* — др.-греч.). Рассмотрим те, которые удалось посетить автору мемуаров.

Наиболее известной точкой притяжения для русских православных поклонников в Константинополе являлся собор Святой Софии, по-гречески — Айя-София. Он был построен при императоре Юстиниане в VI в., но после завоевания турками Византии превращен в мечеть. На всех посетителей это купольное сооружение, одно из самых крупных молитвенных зданий в мире, производило неизгладимое впечатление. О. Иоанн Добротворский с восторгом вспоминает о незабываемых минутах: «С замиранием сердечным вступили мы внутрь, и положительно поражены были невообразимой громадностью его. Помещение в нем и высоко, и широко, и длинно, и решительно недоумеваешь, как держится покров этого поразительного вместилища, так как не замечаешь ни одного устоя, загромождающего наши великие храмы»¹.

Во время краткого пребывания в Константинополе паломники посетили еще один из древнейших храмов первых веков христианства —

¹ Добротворский И., *прот.* Константинополь (Из воспоминаний сергачского паломника-туриста) // Нижегородский церковно-общественный вестник (НЦОВ). 1913. № 19. С. 491.

Церковь Святой Ирины, Константинополь. Фото конца XIX — начала XX в.
Из открытых источников

во имя св. Ирины. Он получил название во имя обожествленного понятия мира. Как бы в издевательство над этим турки использовали это здание как склад оружия. Также российским паломникам показывали колонну, поставленную еще в IV в. по приказанию императора Константина Великого, превратившего христианство в господствующую религию Византии. Автор с глубоким сожалением констатирует, что «она имеет вовсе невзрачный вид четырехугольного столба, сложенного из кирпичей, ничем не прикрытых. Говорят, что в свое время она была обложена бронзовыми досками, которые завоеватели (т.е. турки. — А.А., К.Б.) сочли за золото и ободрали»². Перечисленные выше архитектурные памятники представляли собой живые свидетельства первых веков христианства.

В Константинополе автору довелось увидеть также места, связанные с жестокими расправами османов с прежними хозяевами Царьграда — греками. Эти места вызывали у русских богомольцев не просто печаль, а ужас и возмущение. Во время одной из экскурсий по турецкой столице их кавас (охранник и одновременно гид на Востоке) обратил внимание на железные крючья, которые были вбиты в многовековые деревья, расположенные на одном из городских пустырей. Он расска-

² Там же. № 33. С. 862.

зал россиянам, что здесь вешали побежденных греков. Имелись в виду массовые расправы завоевателей с местным населением после взятия Константинополя османами в 1553 г. «Несмотря на жару, — писал автор, — дрожь невольно пробегала по нашим телам при наглядном представлении картины происходивших здесь ужасов, не изглаженных еще минувшими уже веками...»³

Не менее эмоционально наши паломники восприняли место, связанное с трагическими событиями совсем близкого к ним XIX столетия. В 1821 г. в Греции началось восстание местных жителей, боровшихся за независимость от Османской империи. В ответ на это турки устроили массовую резню в своей столице среди местной греческой общины. Кульминацией ее стала расправа с патриархом Константинопольским Григорием V. Нашим паломникам проводник указал на проволоку, на которой висело тело патриарха. Правда, автор допускает в тексте ошибку, относя эти трагические события к 1864 г.⁴

К гораздо более древним временам относятся священные места, которые посетил автор в Святой земле. Главным из них в рассказе о Иоанна Добротворского «К дубу Мамврийскому» является это священное дерево, возраст которого, по библейским данным, достигал нескольких тысяч лет. События, которые произошли рядом с ним в глубокой древности, вошли в книгу «Бытие», первую по хронологии в Ветхом Завете. Под дубом был раскинут шатер Авраама и сюда к нему явился Господь в облике трех мужей. Авраам с великим почетом принял их и накормил лучшими яствами. После трапезы он получил от них предсказание о том, что у него с женой Саррой будет ребенок, которого они по преклонному возрасту уже не надеялись произвести на свет (Бытие. 18: 1–14). В воспоминание этих библейских событий около дуба, «освященного видимым явлением Тресвятой Троицы», нижегородский протоиерей прочел «акафист Триипостасному Божеству»⁵.

По свидетельству начальника Русской духовной миссии архимандрита Леонида (Кавелина) в конце 1850-х гг., крона дуба-патриарха была еще очень густой, «...ветви раскинулись обширным непроницаемым навесом, в окружности коего 120 шагов...»⁶. По словам русского путеше-

³ Добротворский И. Константинополь // НЦЮВ. 1913. № 19. С. 490.

⁴ Там же. № 33. С. 863.

⁵ Добротворский И. К дубу Мамврийскому. Из записок сергачского паломника-туриста [Нижний Новгород, 1915]. С. 2.

⁶ Архимандрит Леонид (Кавелин). Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника. М., 2008. С. 368.

ственника А.В. Елисеева, «как ни считали различные туристы число лет Мамврийскому дубу по числу слоев... но в конце концов они потеряли счет». В путевых записках Елисеева помещен рисунок дуба, сделанный известным русским художником А.Д. Кившенко. По нему видно, что из трех основных стволов дуба в начале 1880-х два уже засохли и только на третьем еще имелись листья⁷.

После ночевки около дерева о. Иоанн направился в город Хеврон, который мемуарист авторитетно называет «одним из древних городов мира». Здесь их интересовал склеп, где были погребены праотцы Авраам, Исаак и Иаков. На это сооружение, являвшееся очень важным ветхозаветным памятным местом, богомольцы не преминули полюбоваться⁸.

В конце своего путешествия к дубу нижегородские паломники уже на подъезде к Иерусалиму обратили внимание на большой камень, на поверхности которого сохранилось углубление, похожее на отпечаток человека, лежавшего на боку. По традиции считалось, что этот след оставил на камне ветхозаветный пророк Илия⁹.

Во время поездки к Мамврийскому дубу на пути наших богомольцев оказалось священное евангельское место — так называемый фонтан волхвов. На этом месте волхвы вновь узрели чудесную звезду, которая на время скрылась от них, когда они находились в Иерусалиме (Мф. 2: 9–10). Эта звезда на небосклоне свидетельствовала о появлении на свет Спасителя¹⁰.

Во время путешествия по Константинополю и Палестине русские паломники с головой окунулись в иноземную среду — иноверную, иноязычную и инокультурную. В продолжение всего путешествия это производило на них большое впечатление, особенно на тех, которые впервые выезжали за пределы России.

В связи с этим в паломнических текстах встречается невербальная категория «другого», с которым автор постоянно сталкивался за рубежом. Оно не обязательно вызывало отторжение, но цепляло внимание, порождало неподдельный интерес. «Другое» было любопытно мемуаристам-россиянам тем, что у себя на родине они не видели ничего подобного. Это было характерно для этнографических деталей повседневной

⁷ Елисеев А.В. По белу свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям Старого света. В 4 т. СПб., 1915. Т. 1. С. 284–285.

⁸ Добротворский И. К дубу Мамврийскому. С. 5.

⁹ Там же. С. 10.

¹⁰ Там же.

жизни местного населения, т. е. стереотипов поведения, одежды, пищи, жилищ, а также особенностей климата, животного и растительного мира. Для авторов-представителей духовенства «другими» являлись особенности богослужения, устройства храмов, на них эти мемуаристы особенно заостряли свое внимание.

Первыми звуками, которые привлекли внимание автора и его путчиков, еще даже не сошедших на берег в Константинополе, был колокольный звон. В тот день отмечался большой двенадесятый праздник — Вознесение Господне, и автор пишет о своей живой реакции на звуки колокола за сотни верст от родины: «...отрадно было слышать их в басурманской столице, и сердце отрадно вострепнулось». Но с первых же ударов чуткое ухо священника сразу определило, что это «другой» звон; колокол был, судя по всему, небольшим, а звуки резкими и даже «беспорядочными». Отличие заключалось и в том, что «благовест этот раздавался одиноко, сиротливо и как-то точно невесело, и звуки его, как бы насильно задушенные, скоро прервались»¹¹.

Со временем автор понял, почему этот звон воспринимался как необычный русскими богомольцами. Придя на богослужение в константинопольский греческий храм Николая Чудотворца, расположенный рядом с паломническим подворьем, где жил автор, он наглядно увидел причину этого. В России звонари раскачивали язык колокола, который ударял по его поверхности, а в восточных православных храмах (Константинопольского, Иерусалимского патриархатов) раскачивали сам колокол, который ударял по свободно висящему языку¹².

Обойдя вокруг упомянутого выше храма, автор также с сожалением заметил, что он почти не отличается от окружавших его жилых домов, так как на нем не было ни купола, ни креста, ни колокольни, как, впрочем, и у других православных храмов на Ближнем Востоке. Храм греков больше напомнил мемуаристу лютеранский молитвенный дом¹³.

В тексте очерка о пребывании в Константинополе автор дважды обращает внимание еще на одну отличительную особенность восточно-христианских храмов в Греции и Османской империи. Как известно, в России православные прихожане молятся стоя, в греческих храмах же

¹¹ Добротворский И. Константинополь // НЦЮВ. 1913. № 11. С. 285.

¹² Там же. № 35. С. 919.

¹³ Там же.

Константинополь, мечеть Султанахмет. Фото конца XIX — начала XX в.
Из открытых источников

имелись стасидии, т. е. сиденья. Эта особенность также была воспринята автором как нечто «другое», вызывавшее не отторжение, а, скорее, любопытство. Автор уточняет, что они предназначались для почетных богомольцев. Это касалось не только константинопольских, но и афонских, палестинских храмов. О богослужении на подворье Пантелеймоновского афонского монастыря в Царьграде в воспоминаниях о. И. Добротворского говорится: «У западной стены и по клиросам поставлены стасидии — род высоких кресел (выше человеческого роста), украшенных резным верхом, с глухими боковыми стенками, с локотниками и откидной доской сзади для сидения»¹⁴.

Кроме того, всем богомольцам иноземная среда предлагала свой рацион питания, свою специфическую кухню. С ней россияне познакомились вскоре после прибытия на паломническое подворье в Царьграде. На завтрак им подали рыбу в различных видах — жареную, холодную и консервированную, а также фрукты и вместо привычного кваса — графин красного вина. Обед в тот же день состоял из рисовой похлебки, гречневой каши с оливковым маслом, слив и того же красного вина. Из этого меню видно, что пища у царьградских монахов тоже была «дру-

¹⁴ Там же. № 12. С. 315.

гой», так как в России большинство населения видело фрукты на своем столе далеко не ежедневно, а оливковое масло употребляли только состоятельные люди¹⁵.

Вечер первого дня пребывания на чужой земле напомнил о том, что Константинополь является городом хотя и мусульманским, но по-столичному шумным, со своим своеобразным досуговым пространством, которое много всего вобрало с Запада. После того как изрядно уставшие россияне улеглись на мягких постелях и даже успели заснуть, их разбудили грохот барабанов, звуки духовой музыки и певица, «верещавшая всю ночь», потому что паломнический приют находился рядом с «кафешайтаном» (курсив автора мемуаров). Отец Иоанн наверняка намеренно искажил в тексте это слово для того, чтобы дать понять читателям, что это досуговое учреждение является, по его мнению, порождением лукавого¹⁶. В отличие от стасидий в храмах или оливкового масла за обедом, вызывавших интерес, но не отторжение автора, такого рода развлечения представляли собой нечто «другое», которое нижегородский иерей явно не готов был принять.

Флора и фауна Восточного Средиземноморья также не были похожи на то, к чему русские привыкли у себя дома. Здесь они, вероятно, впервые в жизни увидели ослов, верхом на которых приходилось путешествовать, а также верблюдов, которые пугали их своим необычным внешним видом. Еще одно животное в Палестине им удалось только услышать, а не увидеть. Ночью о. Иоанн Добротворский и его спутник в дороге вдруг услышали вдали жалобный плач. Они насторожились, но сопровождавший их кавас объяснил, что это воет шакал¹⁷.

Флора была не менее экзотичной, чем фауна. Возможно, паломники видели у себя в России кактусы, но только небольшого размера, на подоконниках или в оранжереях. В Палестине около фонтана волхвов им довелось увидеть изгородь из кактусов, эта высокая и колючая ограда охраняла частные владения надежнее любого забора¹⁸. Другой паломник, священник из Вятской губернии Н.Г. Гусев наткнулся на грецкое ореховое дерево, плоды которого он видел только в магазинах, а не на ветках¹⁹.

¹⁵ Там же. С. 315–317.

¹⁶ Там же. С. 317.

¹⁷ Добротворский И. К дубу Мамврийскому. С. 1–2.

¹⁸ Там же. С. 10.

¹⁹ Гусев Н.Г. Путешествие в Святую Землю // Вятские епархиальные ведомости. 1900. № 7. С. 293.

Своеобразно выглядел и главный объект интереса паломников в очерке о Мамврийском дубе, т. е. совершенно не похожим на аналогичные российские деревья внешним видом своей коры, по этому признаку его можно было принять скорее за вяз. Но самое главное отличие вечно-зеленых палестинских дубов заключается в листьях, которые, во-первых, были лишены волнообразных вырезов по бокам, а во-вторых, их длина была не более полувершка. Листья были скорее не зелеными, а серо-зелеными, напоминая этим оливковые. Палестинские дубы как нельзя больше подходили под понятие «другого». Только по наличию желудей можно было догадаться, что это дуб. Толщина ствола его была впечатляющей — три-четыре охвата²⁰.

В отличие от «другого», которое воспринималось с интересом и без отторжения, «чужое» выглядело совсем иначе. Оно представлялось угрожающим, вызывая полное неприятие и даже страх. В связи с этим для начала необходимо остановиться на таком явлении, как слухи, циркулировавшие в паломнической среде. Чаще всего они относились к той категории, которая в социологической науке называется «слух-пугало». Таковы были широко распространенные толки о том, что во время морского путешествия в Святую землю можно попасть в кораблекрушение и утонуть, что население Палестины крайне враждебно относится к иностранцам и т. п. Когда российские богомольцы направлялись в палестинский город Хеврон, сопровождавший их кавас Николай предупредил, что в этом городе нужно быть крайне осторожным. Он сообщил, что хевронцы — «народ крайне грубый и неукротимо буйный... и пустая причина может привести к печальным последствиям»²¹. Много слухов о жестокости турок, их враждебности и опасности лишиться жизни циркулировало и в Константинополе.

Вполне естественно, что такого рода слухи порождали тесно связанные с ними страхи, передававшиеся от одного поколения богомольцев к другому. В Константинополе о. Иоанн задумал пройти по Пере — главной улице турецкой столицы, где находились посольства и консульства почти всех европейских государств. Несмотря на то что эта улица всегда была наполнена народом, он боялся идти туда с наперсным золотым крестом, рассуждая о том, «турки не оторвут ли мне вместе с ним и голову»²².

²⁰ Добротворский И. К дубу Мамврийскому. С. 2–3.

²¹ Там же. С. 6.

²² Добротворский И. Константинополь // НЦОВ. 1913. № 38. С. 1001.

В Палестине совершенно определенные слухи и страхи циркулировали вокруг такого места, как Соломоновы пруды, которые попались нашим путникам на дороге между Мамврийским дубом и Иерусалимом. Это были сохранившиеся до наших дней огромные, наполовину пересохшие резервуары воды, сооружение которых по традиции связывают с правителем Израильского царства царем Соломоном, жившим в X в. до н. э. Хотя было очень жарко, кавас настоятельно посоветовал паломникам не купаться здесь, так как, по его словам, несчастные случаи бывали неоднократно. Автор мемуаров приводит разные слухи о причинах гибели людей: «Водоросли ли их запутывают или какие гадины похищают — неизвестно»²³. Здесь читатель снова сталкивается с типичным примером превращения слуха-пугала в стойкий страх, который связан с чуждой окружающей средой.

Явственный маркер враждебного «чужого» встречается уже на первой же странице рассматриваемых нами мемуаров о посещении турецкой столицы. Когда русский пароход шел по Босфору и Константинополя не было даже видно, автор заметил, что на берегах пролива тут и там виднеются в земляных насыпях амбразуры, «из коих, грозно притаившись, выглядывают пасти стальных чудовищ, стерегущих Босфор». В одном месте автор насчитал семь таких батарей с обеих сторон пролива. «Не поздоровится неприятельскому кораблю, если он проникнет сюда», — заключает о. Иоанн свои впечатления о вражеских укреплениях²⁴. Такие рассуждения были вполне естественны, так как Турция веками была историческим противником России. В памяти современников еще живы были события Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а на горизонте уже маячили перспективы Первой мировой войны, в которых России снова суждено было столкнуться с турецкой армией.

О русско-турецких конфликтах довольно отдаленного (XVIII в.) и не столь отдаленного прошлого (четыре войны с турками в XIX в.) напомнил нашим паломникам музей янычар, куда они пошли с монахом-проводником. Здесь были выставлены восковые фигуры этих турецких гвардейцев из прошлого (корпус янычар был расформирован в 1826 г.) в костюмах и в полном вооружении. «Вид личностей свирепый», — замечает автор мемуаров, невербально сразу относя их к категории «чужого»²⁵. Рекламируемый турками музей янычар не понравился и дру-

²³ Добротворский И. К дубу Мамврийскому. С. 9.

²⁴ Добротворский И. Константинополь // НЦОВ. 1913. № 11. С. 284.

²⁵ Там же. № 19. С. 493.

Церковь Троицы Живоначальной села Какино. Фото 1960 г.
Гагинский краеведческий музей

гому нашему паломнику — священнику А. Трапицыну, который назвал его экспонаты «отвратительными чучелами» и явно предпочел музей египетских и греческих древностей, где были собраны замечательные образцы скульптуры Древнего мира²⁶.

Выше уже говорилось о том, какое огромное впечатление произвела изнутри на русских паломников Айя-София. Но это впечатление было омрачено тем, что ее внутреннее убранство было осквернено неверными. Христианские фрески были не видны за громадными деревянными щитами, украшенными затейливой вязью золоченых арабских букв. Изображенные высоко на стенах шестикрылые серафимы остались, но их лица были замазаны черной краской. Д.А. Скалон, путешествовавший в Константинополь в 1872 г., заметил, что «над горним местом сквозит лик Богоматери, которая сидит на пурпурном одре, с подле стоящим младенцем Иисусом». Наконец, на стене сохранился кровавый отпечаток руки завоевателя Царьграда, султана Мехмеда II, опершегося на стену ладонью, залитой человеческой кровью при взятии города в 1453 г.²⁷

²⁶ Трапицын А. Из впечатлений паломника во Святую Землю // Вятские епархиальные ведомости. 1878. № 5. С. 145.

²⁷ Добротворский И. Константинополь // НЦОВ. 1913. № 19. С. 491–492; Скалон Д.А. Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году. М., 2007. С. 37.

Наши паломники были глубоко удручены видом оскверненных православных храмов, превращенных в мечети. Тяжелым было чувство от лицемерия погрязших христианских святынь. «Глубоко в душе, — пишет автор, — возносился вопль: когда же, Господи, кончится эта мерзость запустения?»²⁸

Крайне неприятные воспоминания у большинства российских богомольцев оставил такой «чужой» обычай, как постоянное выпрашивание и даже требование местными жителями того, что на Востоке называется емким термином «бакшиш». Оно пришло из языка фарси и обозначает нечто среднее между взяткой, подарком и милостыней.

С почти всемогущим бакшишем, который открывал любые двери и который сопровождал наших паломников ежедневно и чуть ли не ежечасно, о. Иоанн Добротворский встретился еще до высадки с корабля в Константинополе. К лодке, в которой монахи перевозили наших богомольцев на берег, причалил небольшой каик (шлюпка). В ней сидел эфенди в мундире со светлыми пуговицами, свидетельствовавшими о его официальном статусе. Он неторопливо и с сознанием своей важности протянул руки к багажу священника.

«— Что это такое значит? — спрашиваю монаха.

— А вот что: позвольте мне два двугривенных? — отвечает он.

Даю. Монах сунул их в руку эфенди и каик отвалил. Оказалось, что это таможенный чиновник, следящий за контрабандой, и, если бы не откупиться от него, то он бесцеремонно стал бы рыться в наших чемоданах. Позже монах пояснил: в целях экономии государственных средств таможенные чиновники не получают жалованья и живут только за счет бакшиша»²⁹.

Знакомство с этой недоброй восточной традицией продолжилось в Палестине. Покидая город Хеврон, наши путники повстречались на дороге с муллой и каким-то оборванцем, с которыми они познакомились в городе, причем ни тот ни другой не оказывали им никаких реальных услуг. Однако оба начали очень настойчиво требовать бакшиш. Мулла получил двугривенный, причем был недоволен, что ему дали мало. Оборванец не получил ничего и очень обиделся. Он схватил камень и хотел бросить его в русских паломников, но сопровождавший наших путешественников кавас выхватил

²⁸ Добротворский И. Константинополь // ИЦОВ. 1913. № 19. С. 491.

²⁹ Там же. № 11. С. 285–286.

револьвер, стал угрожающе размахивать им и отогнал агрессивного попрошайку³⁰.

«Другое» и «чужое» не являлись навечно замкнутыми в себе категориями. В сознании человека они могут под влиянием обстоятельств трансформироваться одно в другое и обратно. По мемуарам о. Иоанна это можно проследить на примере его личных впечатлений во время пребывания в Константинополе.

Однажды в паломническом приюте он услышал на улице заунывное пение и увидел похоронную процессию, участники ее несли хоругви, а во главе вереницы людей шли греческие православные священники в соответствующих облачениях. С соседней православной церкви слышались редкие удары в колокол. Зрелище вызвало немалое удивление автора, который до этого был убежден в том, что в Османской империи, как и многие века до этого, запрещено «открытое проявление веры Христовой». За разъяснениями он обратился к монахам Пантелеймоновского подворья, где он жил.

Оказывается, его сведения о крайне тяжелом положении православия в Турции оказались несколько устаревшими. Монахи рассказали ему о том, что после «последней войны русских с турками» (имелась в виду война 1877–1878 гг.) на улицах турецкой столицы без всякого официального разрешения стали время от времени появляться православные похоронные процессии. Турки сначала смотрели на них косо, а потом привыкли, «...теперь это стало представляться общепринятым обычаем, коим никто не возмущается и не оказывает противодействия». В равной степени это относилось и к церковному звону, демонстрации на улицах хоругвей и других богослужебных атрибутов³¹. Таким образом, происходила трансформация «чужого», т. е. враждебного по отношению к христианству в «другое», постепенно среди иноверного населения формировалась веротерпимость в отношении православия. Этот случай также свидетельствовал о том, что ожидания не всегда совпадали с действительностью и последняя оказывалась значительно лучше ожиданий. Подтверждение этому мы находим в еще одном сюжете путевых записок.

Показательным было отношение к автору тех турок, с которыми он общался в Константинополе. Местные жители помогали ему ориентироваться в огромном незнакомом городе, который первоначально ка-

³⁰ Добротворский И. К дубу Мамврийскому. С. 7.

³¹ Добротворский И. Константинополь // НЦОВ. 1913. № 38. С. 1003.

зался враждебным. Однажды о. Иоанн случайно оказался на подземной станции трамваев. В полутьме он направился куда-то наугад и услышал, что кто-то кричит ему: «бурда, бурда» (*burda* — «здесь, сюда» по-турецки). Он не мог понять, что кричат и кому. Затем ему снова закричали уже по-русски «сюда, сюда» и священник увидел, что ему машет рукой человек из билетной кассы. Отец Иоанн купил билет и скоро уже ехал в трамвае³². Эта ситуация показывает, что некоторые турки, которым приходилось общаться с нашими путешественниками, знали и употребляли наиболее ходовые русские слова.

В мемуарах есть еще один довольно колоритный фрагмент, который демонстрирует уже не обмен отдельными словами, как выше, а своего рода «межнациональный диалог». На палубе парохода, направлявшегося через Константинополь в Палестину, русская паломница рассказывала печальную повесть о своем сыне, который попал в какую-то беду. Ее собеседник-турок внимательно слушал, не перебивая. Во время возникшей паузы осман взялся рассказывать женщине уже свою повесть, судя по выражению его лица — тоже невеселую. Отец И. Добротворский пишет: «Чередуясь, они наконец покончили свою беседу, и турок, вставши, приложил пальцы правой руки ко лбу своему и сердцу, показывая этим, что он отвел свою душу в беседе с добрым человеком и сердечно благодарит свою собеседницу». Далее в мемуарах следовал небольшой диалог их автора с паломницей:

«— Поняла ли ты, что толковал тебе турок?

— Коли понять, ведь он бормотал по-басурмански.

— Ну а он понял ли?

— Да коли не понять, ведь я говорила с ним по-расейски, чего проще то, родимый»³³.

Женщина была абсолютно уверена в том, что «расейский» язык должны понимать везде. В то же время автор выражает уверенность, что они обоюдно поняли если не детали, то общее содержание своих печальных рассказов и прониклись сочувствием друг к другу. Турок и русская, конечно, явно были разными, но в то же время и не «чужими».

Мы предполагаем, что о. И. Добротворский еще до своего путешествия слышал о такой достопримечательности турецкой столицы, как константинопольские собаки, так как большинство русских путешественников, проезжавших через турецкую столицу, упоминали о них,

³² Там же. С. 1002.

³³ Там же. № 35. С. 919.

причем чаще всего как о чем-то негативном. Действительно, в начале своего рассказа автор повествует об этих многочисленных и «никому не принадлежащих» псов однозначно отрицательно, именуя их «паршивыми». Однако, как мемуарист узнал в дальнейшем, собаки оказались весьма полезными животными и «как нельзя лучше выполняют роль санитаров, очищая город от неприбранных людьми разного рода нечистот и отбросов, которые без этих даровых тружеников могли бы заразить воздух». Также о. Иоанн увидел, что собаки пользуются в турецкой столице даже неким почетом. В России, пишет он, лежащую на дороге собаку почти обязательно пнут, а в Турции ее деликатно обходят. Более того, местные жители подкармливают их, «сердобольные граждане этим псам делают иногда нарочитое угощение на помин души какого-либо богатого скончавшегося эфенди»³⁴. В этих рассуждениях паломника прослеживается сочувствие не только к бездомным собакам, но и к местным жителям, которые не только терпимо, но даже заботливо относились к этой живой достопримечательности своего города.

Необычность, в ряде случаев — чуждость и даже враждебность окружающей иноземной среды приводили к тому, что паломники нуждались в духовно-психологической и организационной поддержке. Важным инструментом ее становилась религиозная, национальная и культурно-языковая идентичность. Потребность в идентификации является одной из экзистенциальных потребностей человека. Чувство идентичности очень важно для человека, оказавшегося в иноземной среде. Он сознательно или бессознательно начинает искать себе подобных для общения и взаимной поддержки или же какие-либо иные точки опоры в упомянутой выше среде.

Наряду с «другим» и «чужим» российские богомольцы постоянно пересекались в далеких краях с земляками-единоверцами, которых было не так мало. Русское государство, православные институты и общественные структуры хорошо знали о потребностях богомольцев, они специально создавали опорные объекты, которые давали возможность паломникам ощутить себя в родственной среде во время зарубежного путешествия, не чувствовать себя брошенными.

Действительно, вопрос о том, где преклонить голову в совершенно чужом для них городе, возник уже на палубе российского корабля, вставшего на якорь в заливе Золотой Рог в Константинополе: «Появи-

³⁴ Там же. № 12. С. 316.

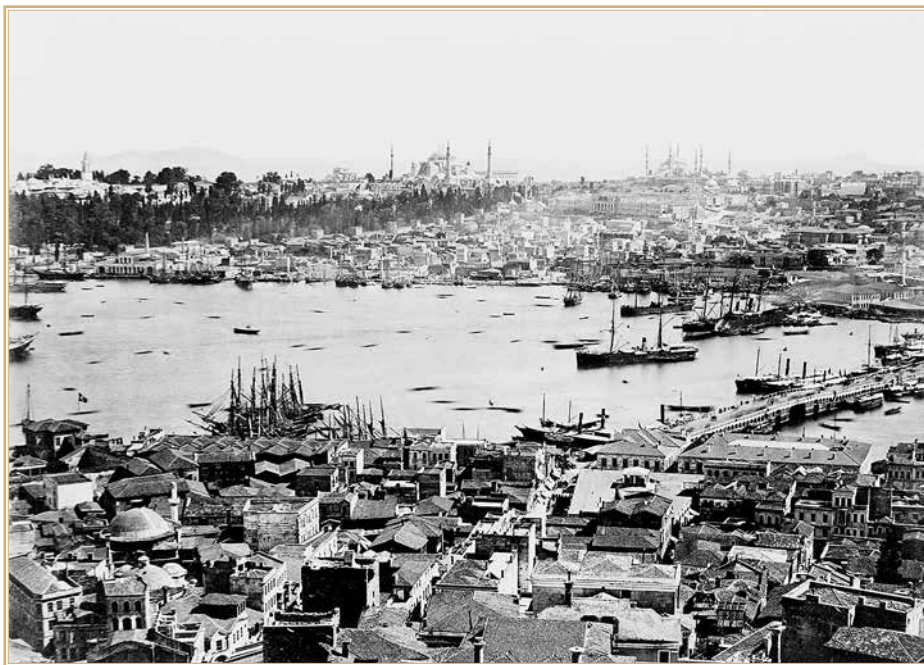
лась обычная суэта, и возник, сопряженный с нею, жуткий вопрос: куда же теперь деваться в громадном, совершенно незнакомом и к тому же басурманском городе?..» Мгновенно возникли вполне естественные в этих условиях страхи. Однако растерянность паломников, которые не знали, где здесь жить, длилась недолго. Автор продолжает: «...спасибо, выручила радушная братия разных афонских монастырей, нарочито с этой целью явившаяся на наш пароход»³⁵. Впрочем, некоторые паломники, отправлявшиеся из Одессы в Константинополь, заранее знали, где они будут квартировать в турецкой столице во время стоянки судна, продолжавшейся два-три дня. Еще в Одессе они размещались на одном из подворий афонских обителей. Это были Пантелеймоновский, Андреевский и Ильинский монастыри, которые среди нескольких десятков афонских обителей были русскими по составу монахов (остальные обители Святой горы были в основном греческими). Подворья тех же трех монастырей действовали и в Константинополе. Их представители хорошо знали расписание пароходов из России и встречали наших богомольцев на своих лодках, помогали им избежать проблем с таможей, провожали до ворот своих подворий. Автор остановился в странноприимнице русского Пантелеймоновского монастыря.

Каменный четырехэтажный дом подворья был довольно вместительным. «Приняли нас здесь радушно, — повествует автор, — и отвели просторный и чистый номер, окна коего с южной стороны выходили на Золотой Рог...» Так как на день их приезда приходился праздник Вознесения Господня, то русские поклонники сразу же направились в подворскую церковь, чтобы поблагодарить Господа за удачно завершившуюся первую часть морского путешествия. Богомольцев здесь было много, и среди них были не только земляки, но и «братушки» — православные единоверцы из Балканских стран — сербы, болгары, черногорцы³⁶.

Идентичность конструируется в сознании человека не только в национальной и конфессиональной сферах, но и на чисто бытовом уровне. Это касалось той пищи, которая была предложена нашим паломникам на Пантелеймоновском подворье. С одной стороны, их порадовали привычные для русского человека блюда и предметы кухонной утвари, с другой стороны, они с любопытством увидели и попробовали то, с чем

³⁵ Там же. № 11. С. 285.

³⁶ Там же. № 12. С. 314–315.

Константинополь, бухта Золотой Рог. Фото XIX в.
Из открытых источников

они сталкивались редко или только слышали. После благодарственного молебна по поводу благополучного прибытия в подворской церкви паломникам предложили легкий перекус, для этого им подали «самовар и белый хлеб»³⁷. Самовар был воспринят как однозначный маркер русской идентичности.

В тот же день русские монахи с Пантелеймоновского подворья порадовали наших паломников за обедом знаковым отечественным блюдом. Им подали гречневую кашу. Правда, она была сдобрена не льняным или конопляным маслом, а оливковым, о котором многие знали только понаслышке³⁸. Таким образом в рационе наших богомольцев сочетались идентичные для них блюда и экзотичные, т. е. «другие».

Русские путники прожили на Пантелеймоновском подворье в Царьграде несколько дней. Автор так оценивал характер их общения со служителями подворья, которые принадлежали к православному духовенству: «Под влиянием ласкового и радушного обращения братии почувствовали себя здесь, как дома, в России, матушке родной»³⁹.

³⁷ Там же. С. 315.

³⁸ Там же. С. 317.

³⁹ Там же.

Паломникам было очень жаль покидать гостеприимных хозяев, которые заботливо доставили их до трапа парохода вместе с багажом. Свои чувства при расставании о. Иоанн описывал так: «Оказались они для нас воистину как бы отцами родными. Спаси их, Христе, и помилуй! При последнем расставании слезы навертывались у нас на глазах и жаль было разлучаться с этими христиански добрыми людьми»⁴⁰.

Особо следует отметить совершенно некоммерческий подход русских монахов-святогорцев к паломникам. Они ничего не запрашивали за оказанные услуги (жилье, питание, прогулки по городу и пр.), довольствуясь тем, что им давали. Автор сообщал, что он уплатил по 2 рубля за сутки, и служители странноприимицы были этим более чем довольны. При этом о. Иоанн упоминает, что некоторые то ли по бедности, то ли по скаредности не платили ничего и при этом ни одного слова осуждения не слышали. Монахи рассказывали, что им иной раз приходилось предоставлять жилье и кормить на обратном пути паломников, совершенно поистратившихся в Святой земле, и даже давать им деньги на дорогу без всяких расписок. Некоторые долги не возвращали, а другие, напротив, присылали деньги с лихвой, так что убытков братия не несла. Когда некоторые из попутчиков о. Иоанна уже перед посадкой на пароход в Константинополе пытались вручить монахам в качестве благодарности некие суммы, то они восприняли это как искушение и категорически отвергли⁴¹.

Религиозная идентичность наших паломников явственно чувствовалась ими во время посещения православной церкви на Пантелеимоновском подворье, где вся литургическая практика полностью соответствовала канонам их родной православной церкви. Однажды после утрени в подворском храме автор направился в расположенную по соседству греческую церковь, чтобы послушать эллинское богослужение. Он рассказывает о сюрпризе, который ждал его здесь: «Вдруг, к удивлению своему, услышал я раздававшееся в нем пение в минорном тоне с нерусским акцентом “Господи, помилуй”. Зашел я туда и узнал, что службу совершают там черногорцы, арендующие у греков придел». Черногорские богослужебные особенности православия заинтересовали о. Иоанна. Он увидел в храме, как у греков, стасидии, обнаружил, что здесь нет царских врат, но иконостас, как у русских, имелся. Порадовало его, что «...священник облачен совершенно по-нашему, и вся служба соверша-

⁴⁰ Там же. № 38. С. 1003.

⁴¹ Там же. № 12. С. 316; № 38. С. 1003.

ется по-нашему же служебнику... Напев унылый, смахивающий на греческий, но без гнусавой интонации в голосе». Отца Иоанна черногорцы просили участвовать в службе, на что он согласился и прочел ряд текстов по-церковнославянски. После окончания службы к нижегородскому иерею подошел черногорский священник и приветствовал его: «Драго ми познатися з Вами». Перевод этой фразы не потребовался⁴². Добавим к этому, что проводником в прогулках наших паломников по Константинополю являлся черногорец по имени Давид, которым русские богомольцы были очень довольны⁴³.

Приведем еще один пример идентичности, на этот раз языковой, с которой автор столкнулся совершенно случайно на одной из улиц Константинополя. Человек, по виду — турок, в зеленом халате и белой чалме, обратился к о. Иоанну: «Здравствуй, бачка». Священник с приятным удивлением спросил его: «Как это ты говоришь по-русски?» «Я, чай, казанска татарин!» — отвечал тот с акцентом. Мемуарист резюмировал эту встречу словами: «значит, земляки, — свои люди»⁴⁴.

Благодаря Императорскому православному палестинскому обществу (ИППО) и Русской духовной миссии (РДМ) в Иерусалиме и других местах Святой земли также были созданы странноприимицы для проживания российских паломников. В первых же строках очерка о поездке к Мамврийскому дубу автор сообщает, что паломники отправились к нему с «Русских построек»⁴⁵. Этот комплекс зданий находился на окраине Иерусалима и включал в себя Троицкий собор, просторные подворья для паломников, дома РДМ, российского консульства и больницы. Они были выстроены в 1860–1872 гг. Палестинским комитетом — предшественником ИППО, а затем переданы этому обществу. Значительную часть участков для других русских религиозных и социально-культурных опорных точек приобрел в Палестине архимандрит Антонин, который возглавлял Русскую духовную миссию в Иерусалиме в 1865–1894 гг. Он упомянут в мемуарах о. Иоанна в связи с тем, что основал подворье для русских паломников около Мамврийского дуба. Не случайно в тексте рассматриваемых нами мемуаров оно названо «Антониновской странноприимницей». В ней автор мемуаров встретил самый радушный прием. О. Иоанн особо отметил, что номера в паломниче-

⁴² Там же. № 35. С. 919–920.

⁴³ Там же. № 19. С. 490.

⁴⁴ Там же. № 33. С. 862.

⁴⁵ *Добротворский И.* К дубу Мамврийскому. С. 1.

ской гостинице были комфортными, по русской традиции путникам был предложен чай⁴⁶.

В начале XX в. у дуба строился храм во имя святых Праотцев. Роскошное облачение для его ризницы было пожаловано председательницей ИППО великой княгиней Елизаветой Федоровной. Храм был полностью возведен в 1914 г., но в связи с начавшейся Первой мировой войной был освящен только в 1925 г.⁴⁷

Очень важным было то, что наши паломники путешествовали по своей Святой земле не на свой страх и риск. Палестинское общество наняло для них проводников-кавасов. Протоиерея И. Добротворского сопровождал молодой черногорец Николай; уроженцами этой южно-славянской страны были и другие проводники наших паломников⁴⁸.

Несмотря на слухи и страхи по поводу враждебности внешней среды, автор отмечал, что действительность часто отличалась от ожиданий, и отношение к русским паломникам на Ближнем Востоке было заметно лучше, чем к путешественникам из Западной Европы. Об этом свидетельствует приведенный И. Добротворским диалог российского паломника А.Н. Эррахтена с местным жителем: «Спросит, например... почти в упор указывая на тебя пальцем: Москов? — Ответишь ему в шутку: но, Инглези (Англичанин). Надуется и отвернется. Чтобы утешить его, снова скажешь ему: но, но, Москов. Обрадуется и начнет ласкаться»⁴⁹. Комментарии к этой цитате, как говорится, излишни.

Подводя итоги, следует констатировать, что путешествие на Восток оставляло у российских православных паломников глубокие и незабываемые впечатления. Их можно разделить на позитивные и негативные. Начнем с впечатлений положительных.

Самые важные из них — это глубокие религиозные переживания от посещения и молитв у главных христианских святынь в Царьграде и на Святой земле. Причем у многих православных поклонников коллективные религиозные переживания в толпе своих земляков нередко были более глубокими, чем индивидуальные. Большое впечатление на паломников произвело общение со своими единоверьцами в чуждой окружающей среде — иноверной, инокультурной, иноязычной. Именно благодаря этому общению формировалась конфессиональная и одновременно

⁴⁶ Там же. С. 2, 5.

⁴⁷ Россия в Святой Земле. Документы и материалы. В 3 т. М., 2017. Т. 2. С. 809, 884.

⁴⁸ Добротворский И. К дубу Мамврийскому. С. 1.

⁴⁹ Там же. С. 8.

национальная идентичность наших паломников. Большинство местного населения — турки и арабы относились вполне терпимо к православной религии и даже благожелательно — к самим россиянам. По наблюдениям паломников, в том числе и автора мемуаров, отношение было заметно лучше, чем к западным туристам паломникам, что вызывало у них закономерное чувство патриотизма.

С другой стороны, было немало и негативных впечатлений. В первую очередь удручал и, более того, возмущал паломников вид великих христианских святынь, перешедших в руки иноверцев и поруганных ими. Кроме того, вызывали дискомфорт многие проявления окружавшей их иноверной и инокультурной среды, нравы и обычаи, серьезно отличавшиеся от того, к чему они привыкли на родине. Постоянно возникали опасения о том, как бы не сделать неверный шаг, последствия которого могли быть непредсказуемо печальны. Нельзя было не заметить, что часть мусульманского населения демонстрировала если не открытую враждебность, то неприязнь к русским паломникам, прежде всего, как к иноверцам. Наконец, наших земляков удивляло и раздражало постоянное попрошайничество большинства местных жителей, которые считали, что русские обязаны заниматься благотворительностью и платить бакшиш не только за реальные, но и за воображаемые услуги.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Авторский вклад

А.М. Абидулин — разработка концепции, курирование данных, формальный анализ, административное руководство исследовательским проектом, проведение исследования, валидация результатов, визуализация, написание черновика рукописи.

К.Е. Балдин — разработка методологии, научное руководство, проведение исследования, валидация результатов, визуализация, написание рукописи — рецензирование и редактирование.

Список литературы / References

1. Гусев Н.Г. Путешествие в Святую Землю. *Вятские епархиальные ведомости*. 1900;(7):272–295.
Gusev N.G. A journey to the Holy Land. *Vyatskie Eparkhial'nye Vedomosti*. 1900;(7):272–295 (in Russ.).
2. Добротворский И. К дубу Мамврийскому. Из записок сергачского паломника-туриста. Н. Новгорода, 1915.
Dobrotvorsky I. *To the oak of Mamre: From the notes of a Sergach pilgrim-tourist*. Nizhny Novgorod, 1915 (in Russ.).
3. Добротворский И. Константинополь (Из воспоминаний сергачского паломника-туриста). *Нижегородский церковно-общественный вестник*. 1913;(11):283–286; (12):314–317; (19):490–493; (33):862–863; (35):918–921; (38):1001–1003.
Dobrotvorsky I. Constantinople (From the memoirs of a Sergach pilgrim-tourist). *Nizhegorodskii Tserkovno-Obshchestvennyi Vestnik*. 1913;(11):283–286; (12):314–317; (19):490–493; (33):862–863; (35):918–921; (38):1001–1003 (in Russ.).
4. Елисеев А.В. По белу свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям Старого света (в 4 т.). Т. 1. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1915. 361 с.
Eliseev A.V. *Around the world: Sketches and pictures from travels across three parts of the Old World* (in 4 vols.). Vol. 1. St. Petersburg: Printing house of P.P. Soykin, 1915. 361 p. (in Russ.).
5. Кавелин Леонид, архим. Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника. М.: Индрик, 2008. 639 с.
Kavelin Leonid, Archimandrite. *Old Jerusalem and its environs: From the notes of a monk pilgrim*. Moscow: Indrik, 2008. 639 p. (in Russ.).
6. *Россия в Святой Земле. Документы и материалы* (в 3 т.). Т. 2. М.: Индрик, 2017. 1094 с.
Russia in the Holy Land: Documents and materials (in 3 vols.). Vol. 2. Moscow: Indrik, 2017. 1094 p. (in Russ.).
7. Скалон Д.А. Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 г. М.: Индрик, 2007. 220 с.

Skalon D.A. *A Journey through the East and the Holy Land in the suite of Grand Duke Nikolai Nikolaevich in 1872*. Moscow: Indrik, 2007. 220 p. (in Russ.).

8. Трапицын А. Из впечатлений паломника во Святую Землю. *Вятские епархиальные ведомости*. 1878;(5):139–151.

Trapitsyn A. From the impressions of a pilgrim to the Holy Land. *Vyatskie Eparkhial'nye Vedomosti*. 1878;(5):139–151 (in Russ.).

Абидулин Алим Маратович
Alim M. Abidulin

кандидат исторических наук,
доцент кафедры восточных языков
и лингвокультурологии Нижегородского
государственного университета,
ORCID: 0000-0002-3322-0240

C.Sc. (History), Associate Professor of the
Department of Oriental Languages and
Linguocultural Studies Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod,
ORCID: 0000-0002-3322-0240

Балдин Кирилл Евгеньевич
Kirill E. Baldin

доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Ивановского государственного
университета,
ORCID: 0000-0002-7568-0528

D.Sc. (History), Professor, Leading
Researcher, Ivanovo State University,
ORCID: 0000-0002-7568-0528

Поступила в редакцию /
Received
05.11.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
15.12.2025

Принята к публикации /
Accepted
12.01.2026